

по сюжету

«Не любите мира, ни того, что в мире: ибо всё, что в мире — есть похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (1-е Иоанна 2:15— 17)

Пролог

Из палаты рожать привезли двоих и одна, покричав и потужившись, освободилась от плода, а вторая никак не могла разродиться.

— Тужься — говорила ей акушерка — тужься, вон, уже головка показалась.

Ира ещё слышала, что говорит акушерка, но сил уже не было. От потерянной крови шумело в голове и всё плыло перед глазами.

Вошёл врач-гинеколог, молодой мужчина и, подойдя к ней, отодвинул в сторону акушерку — Что вы ребёнка спасаете, мать надо спасать

Проваливаясь в черноту, она услышала это и закричала изо всех сил — Неет, неет, спасайте ребёнка! — но крик никто не услышал, только беззвучно шевелились губы на пожелтевшем лице

Врач надавил на живот, ребёнок выскочил из утробы, и она провалилась в тоннель.

Она летела по чёрному тоннелю навстречу голубым глазам, смотревшим в неё.

— Мать в реанимацию, анестезиолога — врач держал новорожденного за пяточку и легонько шлёпал по попке.

Голубые сияющие глаза, впорившись в неё, остановили полёт, под потолком тоннеля протянулись провода и её потянуло назад.

Она вздрогнула, придя в себя, услышала, как пискнул ребёнок и увидела, как акушерка унесла его.

Проснулась утром следующего дня в палате. Та, что рожала вместе с ней, позвала акушерку.

Пришла акушерка — Очнулась, миленькая. А мы уже и не надеялись.

Ира смотрела на акушерку, слышала, но не понимала.

В палату вошёл профессор, за ним стайкой студенты. Все в белых халатах.

— Таак, кто тут у нас вчера тяжело рожал? — он подошёл к её кровати, студенты толпились за его спиной.

— Уберите одеяло — попросил он акушерку.

Акушерка стянула с неё одеяло, у студентов округлились глаза — белая рубашка на ней почернела от пропитавшей её крови.

Профессор приподнял край рубахи и, увидев посиневшие и разбухшие губы, резко спросил:

— Околоплодное место удалили?

Акушерка молчала.

— В операционную, удалить околоплодное, приложите лёд и под душ, отмойте её.

Ребёнка простудили при родах и четыре дня выхаживали. Все четыре дня она отсыпалась, просыпаясь ненадолго, когда приносили еду.

Проснувшись утром пятого дня и чувствуя, как ломит от молока разбухшие груди, спросила у акушерки: — А почему мне не приносят кормить?

— А вы кто у нас? — спросила акушерка и, услышав фамилию, ушла и вернулась с кульком.

Она развернула пелёнку — Мальчик — и приложила к груди.

...

Когда выписывали, врач предупредил — Три месяца воздержаться от половой жизни, ничего тяжёлого не поднимать, первую неделю желателен постельный режим.

Из роддома забирал Ромка: муж, типа. Когда сели в такси, развернул пелёнку, поморщился, но промолчал.

В общежитии ей выделили комнату на втором этаже, где жили в основном семейные.

Ромка приставать начал в первый же день и, когда она сказала, что терпеть нужно три месяца, присвистнул — Тогда давай в жопу

— У меня и там были разрывы, там тоже швы

— И куда мне тебя ебать?

— Потерпишь

Терпелки у него хватило лишь на неделю.

Когда она, уложив Олега (так называли сына) легла рядом с мужем, он, подмяв её под себя, грубо овладел ею.

Швы кровоточили три дня, но всё обошлось.

После того, как влагалище перестало сочиться сукровицей, Ромка лазил на неё почти каждый день.

Беда пришла через полгода: беременностью.

27.07.15